

Л.Т. Килевая (Казахстан, Алматы)

ГЛАГОЛЫ *КОХАТЬ* VS. *ЛЮБИТЬ* В КОНТЕКСТЕ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ ЭЛИЗЫ ОЖЕШКОВОЙ)

В славянском языковом сознании традиционно сложившийся пласт лексики четко ограничивает глагол *кохать*, получивший дефиницию 'чувствовать глубокую привязанность к кому-то, сердечную склонность к лицу противоположного пола', от глагола *любить*, определяемого как 'иметь пристрастие к чему-то, отдавать предпочтение чему-то'. Данное разграничение остается неизменным в украинском, белорусском, польском и ряде других славянских языков, а также в некоторых русских диалектах (западные, смоленские говоры). Так, в словаре украинского литературного языка отмечается две лексемы с разными значениями: *кохати* – в значении 'лелеять', 'холить' [1, 395] и *любити* – соответствующая русскому глаголу *любить* [1, 438]. В словаре польского языка зафиксированы две лексемы, соответствующие русскому *любить*: *kochać* – по отношению к человеку и *lubić* – по отношению к вещи [2, 324]. В современном русском литературном языке, однако, обозначенные дефиниции соответствуют единой лексеме *любить*.

Свидетельством того, что первоначально, на этапе развития праславянского единства, концепт «кохать» вбирает в себя представление об обеих ипостасях, являются факты старославянского языка, в котором лексема *кохать* отсутствует вообще, а имеет место лишь глагол *любить* [3, 315]. На праславянское же происхождение слова *кохать* указывают данные современных славянских языков, включающие его в активный словарный запас, в том числе данные наиболее реликтового из славянских языков – польского языка. Приведенные рассуждения подтверждаются также фактами этимологического словаря, согласно которым глагол *кохать* своим происхождением связан со словами *роскошь*, *коснуться* [4, 356]. Согласно современным польским источникам, а также сведениям источников становления польского литературного языка, польские лексемы *kochać* и *lubić* разграничиваются на основе оппозиции «сакральный – профанный», сформированной в сознании поляков эпохи Средневековья. Первый из элементов этой оппозиции соотносится со словом *kochać*, а второй – со словом *lubić*.

На тот факт, что данные глаголы содержат семантические различия, также указывает их разный парадигматический потенциал в дискурсе. В современном дискурсе ограниченными парадигматическими

возможностями отличаются глаголы *kochać* (рус. диалект.), *kaхаць* (бел.), *kochać* (польск.), *kaхати* (укр.). Это выражается в том, что в изъявительном наклонении из их парадигмы исключаются все формы множественного числа, а также повелительное наклонение при потенциальной возможности данных форм. Это обуславливается смысловым несоответствием, связанным с семантикой данных глаголов (в принципе одного и того же глагола), претерпевших в процессе эволюционного развития ограничительные изменения в связи с утверждением в языковой системе семантически близкого глагола *любить* и его соответствий в других славянских языках, для которых дискурсивных ограничений в парадигме не наблюдается.

Сказанное прослеживается, в частности, в прозе Элизы Ожешковой (согласно отдельным русским переводам, Элизы Ожешко). Творчество представителя польского позитивизма Элизы Ожешковой отличает правдивое изображение жизни польского общества своего времени, то есть периода второй половины XIX века. Отчетливые для него противоречия между городом и деревней, между представителями разных социальных сословий переплетаются в ее произведениях с судьбами конкретного человека, способного на высокие чувства вне зависимости от своего социального статуса. Недомогание общественных отношений, согласно философии автора, способно побороть лишь сильное чувство, выражаемое в ее прозе посредством концепта, передающего действие этого сильного чувства к противоположному полу либо чувство привязанности к близкому человеку. Обозначенная философия Э.Ожешковой отчетливо воплощена в романах «Над Неманом» [5], «Хам» [6].

На тот факт, что в польском языковом сознании глагол *kochać* вбирает в себя сакральное начало, предполагающее особо чувственный элемент взаимоотношений, указывает соответствующее последовательное употребление данной лексемы в рассматриваемых произведениях. В то же время вырисовывается целая палитра сегментов, в которые автор романов помещает данный глагол.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что при изложении чувств героя к человеку противоположного пола, с которым его связывают интимные отношения, предпочтение этого человека всем другим людям, а также при авторском описании этих чувств автор в большей мере изображает возможный мир. Возможные миры (ситуации) организуются за счет всех сфер жизни и предполагаемых в данных сферах ситуаций, которые имели или могут иметь место как таковые. Не случайно использование футуральных конструкций глагола, позволяющих передать возможное будущее действие. В этой связи уместно оговорить, что ряд исследователей обозначают проблему, в которой выражается сомнение относительно отнесенности будущего времени к реальному наклонению [7]. Нереализованность действия глагола *kochać*, воплощенного в форме будущего времени, отмечаем, в частности, в романе «Хам». Франка, обещая вечно любить Павла, говорит: ... *będę ciebie wiecznie i aż do śmierci kochać i szanować* [6, 41]. Возможный мир, переданный в том числе и благодаря данной форме глагола, согласно содержанию романа, противопоставлен реальному миру уже потому, что герои произведения имеют разный социальный статус: с одной стороны – бывший житель города Франка, с другой стороны – житель села Павел. Возникающее на основе этого непонимание между героями произведения предопределяет обреченность действия, воплощаемого рассматриваемым глаголом.

Вместе с тем глагол *kochać* участвует в изображении возможного мира и в том случае, когда героев связывают истинные чувства. Так, в романе «Над Неманом» с целью передачи отношений любви двух легендарных героев Яна и Цецелии используется возвратный глагол *kochać się*, что позволяет автору передать взаимность чувств. Высокие чувства героев усиливает тот факт, что они изображаются на фоне декабрьских событий в Польше. Однако цепь вопросительных построений, в которых употребляется данный глагол, подчеркивает стремление автора передать сомнение в реализации воплощаемого им действия: *Jan i Cecylia! Czy kochali się oni? Czy świat ich rozłączał, a połączyła mogiła?* [5, 159].

Гипотетическая семантика, основанная на возможных мирах как возможных действиях, отмечается и в отглагольном существительном *kochanie*, например: (Ян к Юстине) *Jak nie przychodziło kocanie, to nie przychodziło, a jak przyszło, to już i nie przejdzie* [5, 148] ... *i stary Jakub rozum postradał, zdrady w kochaniu doznawszy* [5, 148] *To zaś, że ona przyklepiła się do mnie jak smoła i ściega mię swoim daremnym kochaniem, wybaczyć jej trzeba* [5, 149]; *Śliczna panna, która ze swoim kochaniem jak dziad z torbą niechcęmu w oczy lezie!* [5, 150].

Как видно из приведенных примеров, действие по глаголу *kochać* изображается на фоне предательства, неоправданных поступков. Автор использует лексемы с отрицательной коннотацией, такие как *zdrada* (измена), *daremnym* (напрасный), *niechęcący* (нежеланный). В аспекте возможных миров это свидетельствует о возможных, но несостоявшихся действиях.

Особенно отчетливо возможный мир с участием глагола *kochać* представлен в прозе Э.Ожешковой при изображении мечты героя. Так, в романе «Над Неманом», обделенная вниманием мужа, посвятившего жизнь своему обширному фольварку, Эмилия, поглощенная своим одиночеством, живет мечтами о

воображаемом мире, в котором есть место любви вне всякой связи с заботами о хозяйстве. Возможный, созданный в ее фантазии мир передается путем использования глагола *kochać* в форме сослагательного наклонения как желаемое действие. Сопровождающими данный глагол элементами в конструкции являются модальные глаголы возможности типа *moć*, долженствования типа *musieć*: (Эмилия к подруге) *Jak myślisz, Tereniu? Ja bym tam pewnie mogła wiele chodzić, ruszać się, żyć, kochać?* [5, 40] – *O, tak!* – *odpowiedziała Teresa – jakże tam ludzie wśród takiej natury i takich widoków gorąco kochać muszą!* [5, 40] И в этом случае нереализованность обозначенного воображаемого мира очевидна, поскольку заложена в характере героини.

Возможный мир с участием глагола *kochać* воплощается в прозе Э. Ожешковой при изображении отношений между близкими, связанными родственными узами, людьми. Примечательно, что сложности иерархии «отцы – дети» в наибольшей степени провоцируют возможные, но отнюдь не реализуемые действия в силу присущего молодым людям эгоизму. Так, Эмилия жалуется сыну на свою скучную жизнь, не получая в ответ никакого сочувствия. Использование автором глагола *kochać* в сочетании с глаголом *umieć* в отрицательной конструкции позволяет передать невозможность реализации желаемого действия: *Przy tym syn nie okazał jej dość współczucia. Na skargi jej odpowiedział milczeniem, i to ją zgrzyzło, bo raz jeszcze dowiodło, że nikt, nawet własne dziecko, ani zrozumieć, ani kochać jej nie umie* [5, 41].

Следует подчеркнуть, что возможный мир с участием глагола *kochać* в анализируемых произведениях изображается даже при упоминании Бога. Так, в романе «Хам» Франка, обращаясь к Павлу, прося помочь спасти уплывающие в широком Немане вещи, при упоминании имени Бога глагол *kochać* использует в конструкции с условным значением: *Zmiłujcie się, człowieku, złapcie tę szmatę i mnie podajcie. Jeżeli Boga kochacie, złapcie* [6, 9].

Согласно исследованному материалу, глагол *kochać* способен выражать глубокую привязанность не только к лицу противоположного пола либо к близкому человеку по крови, но и к чему-то сакральному, в частности к определенным идеалам. В этом случае имплицитно представлен возможный мир как нечто недостижимое, к которому стремится герой, но которого в абсолютном виде даже при значительных усилиях достичь невозможно. Это отмечается при описании пани Анджеевой Корчиньской, которая имела пристрастие к идеалам, но которая для их достижения, однако, ничего не предпринимала: *ideaty kochala i rozumiała, ale żadnego szczebla prowadzącej ku nim drabiny własnymi rękami upleść nie mogła* [5, 8].

И только, по данным фактического материала, во фразеологизме *jak Boga kocham*, соответствующем русскому слову *клянусь*, глагол *kochać* в рассматриваемых романах способствует передаче реального мира: *Jak Boga kocham, niech ziemia zaraz rozstąpi się podę mną, jeżeli nie zginę* [6, 37]; *Gracje, jak Boga kocham, dwie gracje* [5, 25]; *Kotku ty mój, robaczkę złoty, miły! nie trzeba, jak Boga kocham, mnie nic nie trzeba!* [5, 39].

Глагол *lubić* либо его производные отмечается в случае выражения неприязни либо безразличия к лицу противоположного пола, иными словами нерасположения к нему. В романе «Хам» данный глагол употребляется с отрицательной частицей *nie* в значении будущего времени как символ безнадежности на взаимное расположение кого бы то ни было к героине в будущем: *Wszędzie ściany cudze i ludzie cudzy, wszędzie jest sierota, której nikt prawdziwie nie polubi i nie przygarnie* [6, 30]. Возможный мир воплощается с помощью производного данной лексемы, передающего будущие действия, основанные на надежде добрых, располагающих отношений с людьми: *Przyzwyczajasz się, polubisz i do siebie przyzwyczajają się, polubą* [6, 33].

Возможный мир с участием глагола *lubić* передается также благодаря использованию при нем частицы с гипотетической семантикой *niby*: *Nikt nigdy nade mną litości nie miał i wszystkim mną poniewierzali, choć czasem i lubili, a najwięcej ci poniewierzali, co niby to lubili* [6, 35].

Как уже отмечалось, при обращении к близким людям в случае их предпочтения другим, привязанности, основанной главным образом на уважении, употребляется глагол *lubić*. В романе «Хам» такого рода употребление отмечаем при обращении Павла к своей сестре, а также в авторской характеристике Ульяны по отношению к брату: *Nie krzywdziłem ja ciebie nigdy, moja gołąbko, nie opuszczałem... lubilem* [6, 47]; *Szanowała i lubiła brata* [6, 49]. Подобные примеры находим в романе «Над Неманом», в частности, при повествовании об отношениях между друзьями: *Podobno też za tę pochmurność i za te utapianie się w myślach tak nadmiar ojca mego polubił pan Andrzej* [5, 123].

Глагол *lubić* используется в романах и вне возможного мира. Так, в романе «Хам» данная лексема употребляется для обозначения привязанности Франки к грушам: (О грушах) *Dawnej Paweł sprzedawał je w miasteczku albo siostrze oddawał, teraz zostawił w chacie, bo Franka je lubiła* [6, 69]. Посредством глагола *lubić* автор также выражает глубокую привязанность героя произведения – рыбака Павла – к окружающим его окрестностям, родной природе, речке, которая его кормит: *Lubił powietrze nieskażone, choćby upalne lub mroźne* [6, 6].

Таким образом, глаголы *кохать* (*kochać*) и *любить* (*lubić*) в польском литературном языке находят присущее им с точки зрения нормы последовательное выражение. Различие в их употреблении обуславливается наличием семантических оттенков в данных глаголах. Глагол *кохать* (*kochać*) представляется более статальным. Он включает сему состояния человеческой души, направленного на живой объект. Обозначенная сема предопределяет некоторую иллюзорность действия, погружение в мечты, отход от реального мира. В прозе Элизы Ожешковой это воплощается в виде изображения одного из возможных миров. Глагол *любить* (*lubić*) является более акциональным. Он включает сему активного действия, предопределяющую антропоцентризм ситуации, то есть зависимость реализации действия от самого субъекта. Иными словами, обозначенная сема актуализирует действие субъекта. В рассмотренных романах это воплощается как в виде возможного, так и реального мира.

1. *Новітній українсько-російський словник*. Харків, 2003.
2. *Podręczny słownik polsko-polski*. Warszawa, 1975.
3. *Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.)*. М., 1999.
4. М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка в четырех томах*. Т. II. М., 1986.
5. Eliza Orzeszkowa. *Nad Niemnem*. Warszawa: Czytelnik, 1984.
6. Eliza Orzeszkowa. *Cham*. Warszawa: Czytelnik, 1954.
7. Курилович Е. *Очерки по лингвистике*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова